

ОБРАЗОВАНИЕ И ОБЩЕСТВО

Школа философствования

ЧТО ТАКОЕ ФИЛОСОФИЯ?*

Глава 2. ФИЛОСОФСКОЕ ОТНОШЕНИЕ К МИРУ

§ 3. Сочувствие и понимание

Б.И. ЛИПСКИЙ

А мировоззрение? Что оно такое, как не личное убеждение отдельного мыслителя, приведенное в систему и на некоторое время сплавляющее горстку приверженцев?..

Мартин Хайдеггер

Мироощущение. Открытие новых перспектив и создание новых философских учений всегда связано с конкретной личностью, с человеком, который не подчиняет свое мышление авторитетной традиции, а делает предметом размышления собственный духовный и жизненный опыт. Практически все крупные философские системы являются «авторскими проектами» и непременно несут на себе глубокий отпечаток личности творца. Но для того, чтобы они не остались только «проектами» — любопытными, но бесполезными «экспонатами» в музее творений человеческого духа, — они должны быть созвучны общим умунастроениям эпох и народов. Они должны говорить о том, что вызывало бы *сочувствие*, возбуждало резонанс в душах множества людей.

Возникновение «духовного резонанса», который способна вызвать та или иная философская доктрина среди самых широких масс, обычно связывают с общностью мироощущения. *Под мироощущением понимается некий широкий эмоциональный фон, на основе которого формируются наши представления о мире и отношении к нему.* Этот эмоциональный фон может быть открытым, оптимистическим, радостным, но может быть и, наоборот, замкнутым, пессимистическим, мрачным. Мироощущение каждого отдельного человека складывается под влиянием множества самых разнообраз-

*Мы продолжаем публикацию материалов новой версии учебника для средней школы «Начала философии». Начало публикации см. № 5 – 6 за текущий год.

ных факторов: пола, возраста, темперамента, состояния здоровья, жизненных обстоятельств и многого другого. Вполне понятно, что мироощущение молодой, здоровой, влюбленной девушки может быть весьма отличным от мироощущения безнадежно больного, потерявшего семью и работу пенсионера.

Однако помимо индивидуального существует также и сверхиндивидуальное мироощущение, характерное для больших человеческих общностей. Это может быть мироощущение людей, принадлежащих к одной культуре, религии, национальности, социальному классу, поколению, исторической эпохе или психологическому типу. Так, например, мироощущение европейца связано с идеалом полноты жизни. Счастье для него — это реализация всех потенциальных возможностей, использование всех способностей и талантов и, по возможности, удовлетворение всех возникающих желаний. Мироощущение индуиста или буддиста совершенно противоположно. Для них страсти, желания — это источник постоянных страданий, поскольку всякое исполненное желание тут же порождает новую жажду, поэтому главным условием достижения блаженства является угасание желаний и полное замирание жизни «подобно светильнику, в котором выгорело все масло». Для мироощущения мусульманина характерна идея судьбы, непреодолимого рока и, вырастающего из этой идеи, спокойного отношения к жизни, которую следует принимать такой, какова она есть, поскольку в ней все равно ничего нельзя изменить.

Можно указать и еще более широкие, поистине всеохватывающие типы мироощущений. К ним относятся так называемое *«финальное»* и противоположное ему *«стартовое»* мироощущения. Для первого характерно чувство завершенности, близкого конца эпохи. Все лучшее относится к оставшемуся в далеком прошлом *«Золотому веку»*. Второму свойственно ощущение начала, *«старта»* исторического процесса. Все лучшее располагается в *«светлом будущем»*, которого еще только предстоит достигнуть. При этом, если говорить об этих мироощущениях как основаниях для философствования, для обеих форм характерна неудовлетворенность настоящим, ибо человек, по выражению А.С. Пушкина, *«всегда довольный сам собой, своим обедом и женой»*, вряд ли вообще склонен создавать или изучать философские системы.

Рассмотрим примеры первого и второго типов мироощущения, взятые из работы известного британского философа Карла Поппера (1902 — 1994) *«Открытое общество и его враги»*. Одним из наиболее ярких *«финалистов»* он считает античного философа Платона, представителем же *«стартового»* мироощущения можно считать самого Поппера.

«Финальное» мироощущение. Платон, как отмечает Поппер, *«глубоко страдал от политической нестабильности своего времени»*. При этом его неудовлетворенность настоящим вылилась во вполне

финалистскую формулировку основного закона исторического развития, согласно которому «всякое социальное изменение *есть гниение, распад и вырождение*». Приведем небольшой фрагмент текста, в котором Поппер, говоря о Платоне, на наш взгляд, весьма удачно подмечает характерные особенности финального мироощущения как такового.

Платон считал, что закон вырождения включает в себя и моральное вырождение человечества. Согласно его воззрениям, политическое вырождение обусловлено моральным вырождением (и недостатком знания)... Так общий закон космического упадка проявляется в человеческой жизни... Платон также полагал, что, подобно тому, как всеобщий закон упадка проявляется в политическом упадке, обусловленном моральным упадком, так и наступление космического поворотного пункта может проявиться в появлении великих законоучителей, чей ум и моральная воля положили бы конец периоду политического развала. По-видимому, сделанное в «Государстве» пророчество о возвращении Золотого века, т.е. о наступлении новой эры, является выражением в мифологической форме именно этой точки зрения. Как бы то ни было, нет никакого сомнения, что Платон верил как в существование общей исторической тенденции упадка, так и в возможность остановить политический развал путем *задержки всех изменений*. В этом и заключалась цель, к которой он стремился. Добиться ее он пытался при помощи установления такого государственного устройства, которое было бы свободно от пороков всех других государств: такое государство не вырождается, потому что вообще не изменяется. Государство, свободное от пороков, связанных с изменением и загниванием, есть наилучшее, совершенное государство. Это – государство Золотого века, не знающее изменений. Это – государство, находящееся *в задержанном, остановленном состоянии*¹.

Носитель финального мироощущения, живя в предчувствии надвигающейся катастрофы, зачастую усматривает выход в том, чтобы остановить сползание к окончательному краху при помощи энергичных *чрезвычайных мер*. Неосознанное предчувствие опасной близости трагической развязки побуждает его к выработке радикальных проектов переустройства мира, а ощущение того, что катастрофическая ситуация есть именно *финальная стадия давно идущего процесса*, порождает убеждение в том, что она вполне доступна объективному анализу, благодаря которому проекты «спасения» могут быть *научно обоснованы*. Научная обоснованность поступка представляется «финалисту» гарантией его безошибочности, а он крайне нуждается в такой гарантии, ибо никогда не уверен, что у него останется время для исправления ошибки².

«**Стартовое**» мироощущение, напротив, связано с представлением о начале пути. «*История заканчивается сегодня*» – эту попперовскую фразу можно считать лейтмотивом «стартового» отношения к миру. Прошлое воспринимается здесь как *завершившийся* процесс, не оказывающий существенного влияния на настоящее. Поэтому решения относительно будущего могут прини-

маться без оглядки на уже завершившееся прошлое, что, конечно, снижает уровень их *научной обоснованности*, однако расширяет диапазон *вариабельности*. Основанием таких решений становится не объективный анализ, а, скорее, субъективные стремления, интуитивные предчувствия, в конце концов, просто жажда перемен. Вероятность ошибочности подобных решений, конечно выше, но носитель «стартового» мироощущения не воспринимает ошибку как трагедию, поскольку, в отличие от «финалиста», верит, что у него еще будет время, чтобы исправить ее. Сравните, выражающий собственную «стартовую» установку текст Поппера, с приведенным выше описанием «финальной» позиции Платона.

Какие уроки на будущее можно извлечь из прошлого?.. Прежде всего, нам следует расстаться с одной нелепой привычкой: мы не должны думать, что мудрец способен предсказать, что *произойдет*. Многие все еще верят в то, что мудрость означает способность к истинным пророчествам. И почти все убеждены в том, что рациональная программа на будущее должна основываться на истинном предсказании.

Многие рассматривают историю по аналогии с могучей рекой, катящей перед нашим взором свои воды. Мы видим, как струится эта река из прошлого, и если мы достаточно сведущи, то можем предсказать – хотя бы в самых общих чертах – как она будет двигаться дальше.

Многим эта аналогия кажется удачной. Я же считаю, что она не только не верна, но и безразлична. Я думаю, что этот взгляд на историю следует заменить совершенно иным. И вот что я предлагаю.

История заканчивается сегодня. Мы можем извлечь из нее уроки, однако будущее – это вовсе не продолжение и не экстраполяция прошлого. Будущее еще не существует, и именно это обстоятельство налагает на нас огромную ответственность, так как мы можем влиять на будущее, можем приложить все силы, чтобы сделать его лучше. Для этого мы должны использовать все, чему научились в прошлом. А один из важнейших уроков прошлого состоит в том, что нам следует быть скромными³.

Обыденное мироощущение. Платон и Поппер – профессиональные философы. Поэтому их мироощущение, став основанием для создания теоретических систем, получило достаточно внятное выражение в содержании философских учений. Однако для подавляющего большинства людей их собственное мироощущение не выражается в явным образом сформулированной жизненной позиции. Более того, обыденное мироощущение может быть скрытым от самого его носителя, которого, в этом отношении, можно уподобить молюеровскому Журдену, лишь на склоне лет с удивлением узнавшему от учителя философии, что всю жизнь он говорил прозой, хотя никогда ранее даже не задумывался над этим.

Большинство людей являются носителями того или иного типа надындивидуального мироощущения, о чем прекрасно знают создатели PR-технологий или рекламных акций. Ведь апеллируя

к мироощущению, неявным образом присутствующему в сознании больших масс людей, их можно, незаметно для них самих, склонить к принятию заранее предусмотренных разработчиками «добровольных» решений. Именно на подобных апелляциях основываются многие методики манипуляции сознанием, получившие столь широкое применение в современном мире. Внимательно присмотревшись к рекламным акциям нашего ТВ, можно легко обнаружить в них такие апелляции.

Вот, например, две из наиболее широких рекламных кампаний, обещающих человечеству радикальное избавление от двух «страшных» зол: кариеса и перхоти. Лейтмотив антикариесной рекламы — фраза «Ученые доказали...», сопровождаемая демонстрацией строгого человека в белом халате и очках на фоне красно-синей синусоиды, долженствующей наглядно изображать восстановление разрушенных было защитных свойств зубной эмали. Ключевая фраза рекламы шампуня: «Я чувствую это!» — произносится молодой женщиной, перед которой, после избавления от перхоти, вдруг открываются новые горизонты жизни: наконец-то разделенная любовь, профессиональная карьера, радостное ощущение полноты бытия.

Нетрудно заметить, что реклама зубной пасты, обещающая научно обоснованную программу предотвращения катастрофического разрушения зубов, адресована, прежде всего, «финалистам». А реклама шампуня, апеллирующая к непосредственному чувству жизни, и поощряющая стремление к решительной и резкой «перемене судьбы», призвана возбуждать сочувствие носителей «стартового» мироощущения, к которым относятся, главным образом, женщины — основные потенциальные потребители средств по уходу за волосами.

Сочувствие без понимания. Сверхличное мироощущение является основой той интуитивной симпатии, которая вызывает *духовный резонанс* между самыми утонченными построениями интеллектуалов-философов и обыденным сознанием широких народных масс.

Именно резонанс с общим духом эпохи, нации, социального класса объясняет способность, казалось бы, самых абстрактных философских доктрин почти мгновенно распространяться сначала среди интеллектуальной элиты общества, а затем захватывать и массы людей, быть может никогда вообще не слыхавших о философии. Так, в начале XX в. содержащийся в марксистской философии призыв к *социальной справедливости* был услышан и принят российским пролетариатом, а ближе к его середине ницшеанская идея господства *жизненной силы* и властной воли на какое-то время становится доминирующей в умонастроении германской нации. Однако это вовсе не означает, что все, кто принимал идеи марксизма или ницшеанства в качестве фундаментальных жизненных принципов, вполне пони-

мали действительное философское содержание этих систем. Здесь можно говорить именно об интуитивной симпатии любого человека к философии, рассуждающей о том, отсутствие чего переживается им как наиболее болезненное ощущение в его собственной жизни.

Человек, испытывающий страдание от отсутствия социальной справедливости, будет с особым вниманием прислушиваться ко всякому разговору о ней, тогда как страдающий от недостатка жизненной энергии, болезненно переживающий сознание собственной вялости и нерешительности, будет очарован проповедью властной воли. Беда лишь в том, что, как говорил Иешуа — герой романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита», «эти добрые люди... ничему не учились и все перепутали, что я говорил. Я вообще начинаю опасаться, что эта путаница будет продолжаться очень долгое время... ходит, ходит один с козлиным пергаментом и непрерывно пишет. Но однажды я заглянул в этот пергамент и ужаснулся. Решительно ничего из того, что там записано, я не говорил».

Широкое распространение философского учения почти всегда чревато искажением его первоначального «авторского» замысла. И не случайно Маркс на вопрос о том, к какой философской школе относит он самого себя, ответил, что, во всяком случае, он не марксист. Не исключено, что и Ницше скорее всего отказался бы от причастности к той форме «ницшеанства», которая впоследствии стала официальной идеологией Третьего Рейха.

Мировоззрение и миропонимание. Мироощущение — это то общее отношение к миру, которое характерно для достаточно больших групп людей, и которым каждый отдельный человек располагает уже в силу своей принадлежности к той или иной группе. Философское размышление, вырастая на почве такого общего мироощущения, придает ему более осознанный (или, как говорят философы, отрефлексированный) и вместе с тем более индивидуальный характер. В результате размышления человек формирует некое целостное представление о мире, о смысле и ценности жизни, о предназначении человека и возможных путях реализации этого предназначения. Такое целостное представление существует в двух основных формах: как *мировоззрение* и как *миропонимание*.

Различие между мировоззрением и миропониманием — это различие, существующее уже внутри философии и выступающее как результат использования двух различных стратегий или типов философствования. Мировоззренческая стратегия ориентирована преимущественно на *объективное знание* о мире и человеке; миропонимающая — на *субъективное переживание* человеком своего бытия в мире. Отсюда можно заключить, что первая из них больше характерна для носителей финального, а вторая — стартового мироощущений.

Мировоззренческая философия по своему характеру более близка к науке. Ей свойственно стремление к «объективному» — эмоционально нейтральному знанию, она строится на явно выраженных

основаниях, а ее выводы (по крайней мере, в идеале) должны быть строго логичны и максимально очищены от человеческих интересов и пристрастий. Эта философия предпочитает иметь дело с универсальными законами, охватывающими наиболее общие, «магистральные» линии развития. Все индивидуальное, не охватываемое действием всеобщих законов, трактуется как случайное, необъяснимое, а потому и не заслуживающее внимания. В результате мир превращается в «картину мира», в предмет созерцания и констатации «объективных фактов», а позиция человека сводится к позиции бесстрастного наблюдателя или, в лучшем случае «дежурного оператора» объективных процессов.

Мировоззренческая философия, как правило, осознает себя как продолжение, развитие и даже завершение длительной традиции, а учения предшественников представляются ее создателям длинным рядом ступеней, ведущих к их собственной системе. Таковы, например, философские системы Спинозы, Гегеля, Маркса.

Миропонимающая философия стремится рассматривать человека не как бесстрастного наблюдателя, а как непосредственного участника мирового процесса. В центре ее внимания находятся уже не объективные, а субъективные факторы: индивидуальное отношение человека к происходящим событиям, его личное их понимание и оценка — и в этом отношении миропонимающая философия приближается скорее к поэтическому искусству, чем к науке. Создатели миропонимающих систем воспринимают себя как реформаторов и творцов, открывающих новые перспективы и горизонты. Поэтому по отношению к предшественникам они занимают или резко отрицательную, или просто безразличную позицию. К миропонимающим можно отнести философские построения Ницше, Киркегора, Хайдеггера.

Мировоззрение и миропонимание вроде бы исключают друг друга, поскольку невозможно реализовать обе эти стратегии одновременно в рамках одной философской системы. Но в то же время два этих подхода дополняют друг друга, поскольку дают нам возможность рассмотреть бытие мира и человека с разных сторон, в различных перспективах. Поэтому не случайно то, что в истории философии и культуры в целом ни одна из этих стратегий (несмотря на множество решительных заявлений) никогда не одерживала «окончательной победы», а каждая из них, добиваясь в какой-то момент доминирующего положения, затем снова уходила в тень, чтобы уступить место своему конкуренту-партнеру.

Периодическая смена форм и стилей характерна не только для философии. Это общая судьба всякого культурного явления, будь то мода, искусство или даже наука. Система общественных настроений весьма неустойчива: сегодня мы думаем и чувствуем иначе, чем сто или даже двадцать лет назад. Конечно, изменение стилей вряд ли полностью обусловлено творчеством того или иного

художника или мыслителя, но в их произведениях артикулируются, обретают язык смутные и безотчетные стремления и умонастроения эпохи. Каждое поколение входит в жизнь со своим комплексом притязаний и ожиданий, и действительная их смена состоит в том, что вопросы, занимавшие предшественников, воспринимаются как неинтересные, устаревшие.

Таким образом, мировоззрение и миропонимание, с одной стороны, взаимно исключают, а с другой — предполагают друг друга. Нельзя реализовать обе эти стратегии одновременно, в рамках одной философской системы, но обе они являются необходимыми с точки зрения более широкого культурного контекста. Каждая из них — односторонняя и сохраняет неопределенность результатов: мировоззрение в описании индивидуальных свойств и уникальных событий, миропонимание в объяснении генеральных отношений. Поэтому каждый из этих подходов эффективен только тогда, когда не отвергается полностью и противоположная позиция.

Задания к § 3

Для самоконтроля:

1. Дайте определение мироопущения. Перечислите и охарактеризуйте основные виды мироопущений.
2. Охарактеризуйте различие между мировоззренческой и миропонимающей философией.

Для закрепления материала:

1. Приведите примеры проявления «финального» и «стартового» мироопущений в известных вам телевизионных программах и рекламных кампаниях.
2. Поясните, каким образом, казалось бы, абстрактные мировоззренческие концепции распространяются и закрепляются в массовом сознании.

Для обсуждения:

1. Разъясните смысл выражения Карла Поппера: «История заканчивается сегодня». Согласны ли вы с этим выражением?
2. Поясните, почему приверженцы «финального» мироопущения склонны оправдывать свои планы и действия их «научной обоснованностью».

§ 4. Предмет философского знания

Γνῶσι σαυτόν (Познай самого себя).

Надпись у входа в храм Аполлона в Дельфах

Предмет философских размышлений выглядит размытым, не имеющим четко очерченных границ, раздробленным на множество индивидуализированных модификаций, но, тем не менее, общая направленность этих размышлений, позволяет указать на одну его

характерную особенность. Философия, в отличие от многих других наук, не имеет никакого заранее данного объекта. Предмет философии не обнаруживается, а скорее создается в самом процессе философствования. Исследования физика, химика, биолога опираются на эмпирический опыт. Они всегда касаются фактов или явлений, которые мы можем наблюдать (и измерять) непосредственно или при помощи инструментов и приборов (микроскопа, амперметра и др.). Философские размышления касаются не отдельных предметов, и даже не всех их вместе взятых, а универсальных принципов, благодаря которым в мир вносится определенный порядок: Космос, Универсум, Разум, Истина, Благо, Мораль, Долг, Справедливость, Свобода — вот предметы философа. Увидеть, пощупать, или измерить такие предметы в принципе невозможно.

Однако философия не сразу выделяет и фиксирует собственный предмет. Первые философы Древней Греции считали главным объектом своей науки природу (*physis*)⁴, поэтому их учения обычно объединяют под общим названием «физиологии» или натурфилософии (философии природы). Такая философия по своему предмету еще близка к естествознанию, поскольку рассматривает свой объект как некую реальность, существующую независимо от человека и данную ему в эмпирическом (чувственном) опыте. Открытие нового, необычного объекта связано со знаменитым требованием афинянина Сократа: «Познай самого себя». На первый взгляд в этом требовании не было ничего необычного. Оно буквально повторяло хорошо известный призыв, начертанный над входом в храм Аполлона Дельфийского. В действительности все обстоит далеко не так просто.

Обратим внимание на первый шаг, который делает античный мыслитель, вступая на путь самопознания. «Я знаю, что ничего не знаю», — заявляет Сократ, полагая, что только с осознания собственного невежества может начинаться движение к подлинной мудрости. Знание о незнании есть знание о собственном *несовершенстве* или, точнее, о собственной *незавершенности*. Согласно Сократу, такое знание является необходимым условием совершенствования, ибо пока человек тупо уверен в том, что уж он-то знает все, что нужно, у него просто нет никакого стимула к развитию. Вступая на путь самопознания, человек начинает движение к собственной завершенности, ибо достижение совершенства означает завершение процесса его становления как человека, максимально реализовавшего свои потенциальные способности.

Осознание дистанции между тем, что *есть* человек в своем наличном существовании, и тем, чем он *может* и *должен* быть, выводит его из состояния блаженного самодовольства и задает направление движения к тому, чтобы соответствовать общечеловеческой сущности как некому идеалу человека. Но в таком случае познание самого себя относится не к физическому телу или к уточнению

деталей и подробностей уже состоявшейся биографии. Призывая человека познать самого себя, Сократ имеет в виду познание того идеала, достижение которого должно стать собственной (*субъективной*) целью его жизни. Целью, реализовать которую он, может быть, сумеет (если сумеет!) лишь в конце того пути, на который только вступает. Это познание относится не к *сущему*, а к *должному* или, иными словами, не к тому, *что есть*, а к тому, *чего еще нет*, и что никак не может выступать предметом эмпирического опыта.

Наука об отсутствующем. Сократ впервые указывает объект, который радикально отличается от объекта натурфилософии по своим наиболее фундаментальным характеристикам: он не существует реально и не доступен эмпирическому опыту. Он является в буквальном смысле этого слова *отсутствующим* объектом. Но, несмотря на то, что он не существует в *реальности*, он, тем не менее, принадлежит к *бытию*. Будучи лишен признаков вещественности (как атрибута существования), идеал обладает признаками действительности (как атрибута бытия), ибо, находясь за пределами вещественного мира, он активно *воздействует* на его формирование, определяя цель и смысл всего существующего. Во всяком случае, именно идеал определяет вектор, задающий цель и смысл человеческой жизни. Знание этого воображаемого идеала представляется Сократу и его последователям гораздо более важным, чем знание о природных объектах, ибо последнее касается *обстоятельств* жизни, тогда как первое — ее *смысла* и *цели*.

Итак, объект философии — это несуществующий, отсутствующий объект. Способ бытия такого объекта прекрасно показывает французский философ Мишель Фуко (1926 — 1984) во введении к своей книге «Слова и вещи». Анализируя картину Диего Веласкеса «Менины», он показывает, что помимо видимых персонажей в ней незримо присутствует король Испании Филипп IV. Его нет среди изображенных фигур (лишь в зеркале на заднем плане смутно угадывается его силуэт), но все реальные персонажи картины расположены по отношению к нему. Их позы и жесты обращены к невидимому королю, незримое присутствие которого «держит» всю композицию, определяя смысл и цель движений и взглядов изображенных лиц. Не существующий в пространстве картины монарх задает порядок и смысл всего существующего в нем⁵.

Выше уже говорилось, что философия возникает из удивления. Но удивлять может не только реально существующее. Отсутствующее способно удивлять не в меньшей степени. Именно отсутствие того, что мы ожидали увидеть и вызывает «удивление», с которого начинается философия. Известный испанский философ Хосе Ортега-и-Гассет (1883 — 1955) говорил, что мы замечаем отсутствие фрагмента мозаики по оставшейся на его месте дыре; мы видим не фрагмент, а его отсутствие. Предмет философии, в отличие от предметов эмпирических наук, обнаруживается именно благо-

даря своему отсутствию. Мы ощущаем его как фантом, подобно тому, как инвалид ощущает свою ампутированную руку или ногу. Философское размышление, как правило, начинается с более или менее ясного предчувствия: «Здесь что-то должно быть!». И мы начинаем «домысливать» отсутствующее, доводя образ мироздания до полноты и завершенности. Эта метафора отсутствующего фрагмента весьма характерна для философии. Ее употребляет экзистенциалист Ортега-и-Гассет, но ее же использует и представитель противоположной философской традиции — позитивист Огюст Конт (1798 — 1857).

Стимул к философскому размышлению возникает не из констатации наличия, а скорее из обнаружения отсутствия необходимого порядка там, где мы ожидали его найти. Платон — ученик Сократа — был потрясен смертью учителя. В мире, в котором праведник может быть казнен по приговору суда (не случайным образом, а *по закону*), нет ни Справедливости, ни Добра: значит, это злой, *неистинный* мир. И Платон начинает размышлять о Справедливости, Истине и Благе как о фундаментальных принципах бытия, которые *должны* лежать в основе мироздания. Итогом его размышлений становится создание одной из величайших философских систем Античности, влияние которой и до сегодняшнего дня испытывает европейская культура.

Начиная от Сократа и Платона, вплоть до XVII в. (т.е. в течение более чем 20 веков), познание цели и смысла рассматривалось как наиболее важная и значительная задача философии. Платоновская теория идей, метафизика Аристотеля, учения о Боге Августина Блаженного и Фомы Аквинского — все они ориентированы не на естественно-природный мир, а на то воображаемое идеальное бытие, познание которого открывает смысл реально существующего, позволяя интерпретировать его как целесообразно устроенный гармоничный порядок. Познание же самого по себе природного мира в этот период мало кого интересует, ибо рассматривается, говоря словами Августина, как «занятие очень интересное, но чрезвычайно пустое». Имея такой предмет, философия вырабатывала и соответствующие методы, приспособленные к познанию не чувственно воспринимаемых вещей, но воображаемых объектов, недоступных прямому эмпирическому наблюдению.

Радикальная переориентация познавательного интереса происходит на рубеже XVII в. Философия Нового времени возвращается к натуралистическим установкам античных «физиологов» и, отвернувшись от так занимавших ее ранее целей и смыслов, обращается к исследованию «естественно-природных» объектов.

Основоположник новоевропейского рационализма Рене Декарт (1596 — 1650) вновь предлагает взглянуть на мир по-иному, полагая, что во Вселенной господствует не моральный, а математический порядок, в основе которого лежат не *смысл и цель*, а *число и мера*. Он утверждает, что «все вещи, познаваемые нами ясно и отчетливо,

и на деле таковы, как мы их познаем», а максимально ясное и отчетливое знание вещей достигается, если мы рассматриваем их как «объекты математических доказательств»⁶. При этом убежденность Декарта в математическом характере мирового порядка глубока настолько, что он не сомневается в том, что «Бог не в состоянии произвести» вещь, о которой невозможно было бы получить ясного и отчетливого (т.е. математически доказанного) знания⁷.

В результате такой переориентации границы бытия совмещаются с границами математизированного естествознания. Реально существующим признается теперь не то, что привлекает (или отталкивает) нас, а то, что может стать предметом эмпирического опыта, т.е. то, что можно *пощупать* или *измерить*. Все, что оказывается за пределами опыта (и, прежде всего, цели и ценности), представляется химерическим продуктом чистой фантазии, которая объявляется совершенно неуместной в философии, претендующей на статус строгой науки. Так происходит смена приоритетов, в результате которой математизированное естествознание начинают рассматривать как эталон научной строгости, в то время как научность гуманитарного знания ставится под сомнение.

Фундаментальным для новоевропейской философии образом мирового порядка становится совершенно однородный во всех направлениях Универсум, законы которого рассматриваются как единые для всех без исключения областей Вселенной. Сама же Вселенная понимается теперь как единственно существующий мир, в котором *все* должно быть, во-первых, доступно эмпирическому опыту и, во-вторых, описываться точными математическими формулами. В результате воображаемые *идеальные сущности* утрачивают прежнюю смыслообразующую роль, поскольку в новой системе миропорядка они уже не рассматриваются как целевые ориентиры, задающие импульс и направление мирового процесса. Происходит постепенная онтологизация выкладок теоретического мышления, когда ясность и отчетливость мысли начинают рассматриваться как предельные основания для заключения о *бытии* или *небытии* мыслимого предмета. В результате человек все меньше доверяет непосредственности своих чувств, и все более полагается на инструментальные измерения и математические процедуры. Развитие картезианской традиции приводит к ситуации, прекрасно описанной русским поэтом Максимилианом Волошиным (1877 – 1932):

Теперь реальным стало только то,
Что можно взвесить и измерить,
Коснуться пястью, выразить числом.
И новая Вселенная возникла...

В этой Вселенной познание жизненных *обстоятельств* вновь представляется человеку делом наиболее важным, поскольку цели и

смыслы понимаются теперь как *объективно заданные* именно обстоятельствами, а стало быть, от воли и желания человека независимые. Все происходящее (в том числе и свои собственные поступки) человек стремится рассматривать как *следствия* определенных *причин*, действие которых полностью обусловлено объективными факторами. Раскрытие и объяснение этих факторов провозглашается делом «положительных» наук, философия же, лишившись собственного предмета, объявляется вторичной, «описательной» наукой, задача которой ограничивается обобщением и систематизацией достижений «точных» эмпирико-математических научных дисциплин.

Два понимания свободы. Во все времена понятие свободы было одним из важнейших предметов философской мысли. Однако в понимании того, что же это такое — человеческая свобода — между философами существовали серьезнейшие разногласия. Разногласия эти выражались, прежде всего, в споре о том, является ли осуществление свободы человека делом его разума или его воли. В зависимости от того, какая из этих двух фундаментальных способностей человеческой души провозглашалась «ответственной» за реализацию свободы, сложились и два основных ее понимания.

Свобода как познанная необходимость. От Античности до Возрождения исключительность человека связывалась с его свободой, понимаемой как уникальная, только ему принадлежащая способность поступать по собственной воле, даже вопреки обстоятельствам. В течение XVII — XIX веков формируется и получает широчайшее распространение представление о человеке, как об одном из звеньев в бесконечной цепи причин и следствий, подчиненном тем же универсальным законам, что и все остальные ее звенья. Вот как обосновывает это фундаментальное для классической науки представление известный голландский философ Бенедикт Спиноза (1632 — 1677).

В душе нет никакой абсолютной или свободной воли; но к тому или другому хотению душа определяется причиной...

Душа составляет известный и определенный модус мышления и, следовательно, не может быть свободной причиной своих действий, иными словами, не может иметь абсолютной способности хотеть или не хотеть; к тому или другому хотению она должна определяться причиной, которая в свою очередь определяется другой причиной, эта — третьей, и так до бесконечности; что и требовалось доказать...

Точно таким же образом доказывается, что в душе нет никакой абсолютной способности разума, желания, любви и т.д. Отсюда следует, что все эти и другие способности или совершенно вымышлены, или же составляют не что иное как метафизические сущности... обыкновенно образуемые нами из единичных явлений...⁸

Придавая принципу причинности значение фундаментальной из характеристик бытия, классическая наука предполагает, что человек может реализовать свое стремление к свободе только через максимально полное *познание* жизненных обстоятельств. Для того чтобы свободно распоряжаться собственным будущим, т.е. получать в результате предпринимаемого действия именно то, что предполагалось исходным намерением и целью, человек должен знать все, что его окружает, чтобы предвидеть, как эти окружающие предметы будут изменяться в ответ на его действие с ними. Он должен научиться исключать из сознания все субъективные стремления и пристрастия, удерживая в нем только объективно необходимое. Иными словами, для того, *чтобы быть свободным*, человек *должен стать необходимым* не только в средствах, но, прежде всего, в мотивах и целях. Он не должен желать ничего, что не было бы «предусмотрено» внешней по отношению к нему объективной необходимостью.

Но если всякий поступок есть «результатирующая» множества внешних, иногда даже не осознаваемых человеком необходимых факторов, значит, поведение его предопределено объективным законом причинности, действующим помимо его воли. По существу это означает, что человек не властен над своими поступками, а следовательно, невинен! Возникшую ситуацию «подпольный человек» Ф.М. Достоевского иронично комментирует следующим образом: «Наука научит человека, что... все, что он ни делает, делается вовсе не по его хотению, а само собою, по законам природы, следовательно, эти законы стоит только открыть, и уж за поступки свои человек отвечать не будет». Свобода в этом ее понимании отождествляется с разумностью и представляет собой (согласно определению Спинозы) не что иное, как «познанную необходимость».

Свобода как «разрыв» причинно-следственной цепи. Мир упорядочен непрерывными цепями причинно-следственных связей, идущих из бесконечности, и в бесконечность же уходящих. Логика нашего познания, отображающего мировой порядок (Лейбниц) должна быть так же последовательна и непрерывна. Но если мир предстает как такой непрерывный континуум, то человеку просто некуда «втиснуться» со своей свободной волей, проявление которой всегда сопряжено с возникновением «завора», перерыва постепенности. За последние триста лет лейбницевская «формула» фундаментального миропорядка стала доминирующей не только среди ученых, но даже и в обыденном сознании «среднего европейца».

С середины XX в. нарастает разочарование в идеалах универсального детерминизма. Разрыв с традицией осознается настолько остро, что саму идею универсального детерминизма Гастон Башляр характеризует как «невероятную», и даже «чудовищную». При этом

изменение гносеологической перспективы оказывается связанным с изменением онтологических установок.

Выбор в пользу той или иной концепции миропорядка — это **волевой акт**, опирающийся уже не столько на дискурсивное мышление, сколько на нормативное предписание, представляющее разрыв в цепи причинно-следственных (и логических) отношений. Такой выбор нельзя ни свести к какому бы то ни было формализованному алгоритму, ни вывести из предшествующей истории как следствие из причины. С точки зрения классической рациональности это акт иррациональный. Однако в действительности речь здесь может идти не столько об иррациональности, сколько о рациональности иного, неклассического типа. В отличие от каузального порядка классической рациональности, нормативный миропорядок не рассматривается как абсолютная характеристика самого по себе бытия или мышления. Этот порядок понимается как установленный или признанный людьми, а потому имеющий нормативную силу лишь в границах той или иной культурной общности или исторической эпохи.

Различие между каузальностью и нормативностью, как принципами организации мирового порядка, состоит в следующем: в *каузальной* перспективе причинно-следственная цепь представляется как сплошная нигде не разорванная линия, *нормативная* перспектива, предполагает вполне определенное начало — тот самый творческий акт свободного выбора парадигмальной установки, которым задаются граничные условия функционирования определенного типа мышления и жизни.

Это означает, что человек, будучи свободным, может, утверждая те или иные нормы, выступать начальным звеном каузального ряда или, иными словами, может действовать как **причина следствий, не будучи следствием причины**. Такое понимание свободы в корне отличается от «познанной необходимости» каузальной традиции. Ибо здесь речь идет не о причине и следствии, а, скорее, о вине и ответственности, которые следует понимать не в морально-оценочном, а в метафизическом смысле, когда ответственность означает не наказание, а сознание своей *причастности* к бытию, *участия* в его организации.

Таким образом, после нескольких столетий упорных попыток построить опирающуюся на идею чисто каузального порядка «социальную физику», мы приходим к выводу о невозможности полной редукции нормативного порядка к каузальному. Скорее всего, следует признать, что существуют, по меньшей мере, **два** фундаментальных метафизических принципа, по-разному трактующих характер человеческих поступков. *Метафизика каузальности* предпочитает рассматривать их как последовательные звенья универсального причинно-следственного ряда. *Метафизика нормативности* предпочитает рассматривать человеческие поступки

как самостоятельные акты реализации свободы, за каждый из которых человек несет полную ответственность.

Задания к § 4

Для самоконтроля:

1. Укажите, в чем состоит специфика предмета философского познания, в отличие от естественнонаучного.
2. Поясните, как изменяется направленность философских исследований на рубеже XVI – XVII вв.
3. Охарактеризуйте основные философские представления о природе свободы.

Для закрепления материала:

1. Раскройте смысл сократовского призыва: «Познай самого себя!».
2. Поясните, почему в мире, описываемом «подпольным человеком» Ф.М. Достоевского никто «за свои поступки отвечать не будет».
3. Поясните, как можно быть «причиной следствий», не будучи «следствием причины».

Для обсуждения:

1. Поясните, почему, согласно Августину, познание природы есть «пустое занятие». Согласны ли вы с его утверждением?
2. Объясните смысл стремления исследователей XIX в. к разработке «социальной физики». Насколько реализуем данный проект?

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Поппер К.* Открытое общество и его враги. Т. 1. – М., 1992. – С. 51 – 52.

² В этом отношении характерным является название работы В.И. Ленина, опубликованной в октябре 1917 г.: «Грозящая катастрофа и как с ней бороться», в которой он призывает к введению немедленных чрезвычайных мер для предотвращения катастрофических, с точки зрения автора, последствий развития капитализма в России. В действительности именно эти меры и привели к катастрофе, последствия которой не преодолены и сегодня.

³ *Поппер К.* Открытое общество и его враги. Т. 2. – С. 486.

⁴ Именно это греческое слово дало имя другой очень важной науке – физике.

⁵ См.: *Фуко М.* Слова и вещи. – СПб., 1994. – С. 41 – 54.

⁶ *Декарт Р.* Метафизические размышления // *Декарт Р.* Избр. филос. произв. – М., 1950. – С. 331.

⁷ Там же. – С. 389.

⁸ *Спиноза Б.* Этика // *Спиноза Б.* Избр. произв. Т. 1. – М., 1957. – С. 445.

§ 3

Аннотация

В третьем параграфе «Сочувствие и понимание» речь идет о предельно широких типах мироощущений. К ним относятся «финальное» и противополо-

ложное ему «стартовое» мироощущения. Для первого характерно чувство завершенности, близкого конца эпохи. Все лучшее относится к оставшемуся в далеком прошлом «Золотому веку». Второму свойственно ощущение начала, «старта» исторического процесса. Все лучшее располагается в «светлом будущем», которого еще только предстоит достигнуть.

Ключевые слова:

мировоззрение, мироощущение, финальное мироощущение, стартовое мироощущение, обыденное мироощущение.

Summary

In the third paragraph «Sympathy and Understanding» the question is extreme wide types of attitudes. Attitudes concern to them «*final*» and opposite to it «*starting*». The feeling of the completeness, the close end of epoch is typical of the first. All best concerns to «Golden Age» which has stayed in the far past. The sensation of the beginning, «start» of historical process is peculiar to the second. All best settles down in «The light future», which else it is necessary to achieve.

Keywords:

outlook, attitude, final attitude, starting attitude, ordinary attitude.

§ 4**Аннотация**

В четвертом параграфе «Предмет философского знания» определяется специфика объекта философского исследования. Объект философии – это несуществующий, отсутствующий объект. Именно отсутствие того, что мы ожидали увидеть и вызывает «удивление», с которого начинается философия. Философское размышление, как правило, начинается с более или менее ясного предчувствия: «Здесь что-то должно быть!». И мы начинаем «домысливать» отсутствующее, доводя образ мироздания до полноты и завершенности.

Ключевые слова:

жизненные обстоятельства, предмет философии, реальность, самоопределение, самопознание, свобода, смысл жизни, необходимость, ответственность.

Summary

In the fourth paragraph «The Subject of philosophical knowledge» specificity of object of philosophical research is defined. The object of philosophy is a nonexistent, absent object. Absence of that we expected to see causes «surprise» with which the philosophy begins. The philosophical reflection, as a rule, begins about more or less clear presentiment: «Here something should be!». And we begin «to invent» absent leading up an image of a universe up to completeness and integrality.

Keywords:

vital circumstances, subject of philosophy, reality, self-determination, self-knowledge, freedom, meaning of the life, necessity, responsibility.